

«НЕ УМОЛКАЕТ ВО МНЕ ВОЙНА»

Они на фронте и поженились — 1 мая 1945 года. В день рождения Виктора Петровича. А когда отгремели победные залпы салютов, супруги Астафьевы отправились домой пешком. Была весна, буйным многоцветьем полыхала обугленная войной земля, шально и радостно пели птицы.

Пройдет много лет, и Астафьев в своей знаменитой «Оде русскому огороду» напишет: «И все не умолкает во мне война, сотрясая усталую душу. Багровый свет пробивается сквозь немую уже толщу времени, и, сплюснутая, окаменелая, но не утерявшая запаха гари и крови, клубится она во мне...»

Не умолкает война и в сердце Марии Семеновны Корякиной (Астафьевой). Бывший сержант медицинской службы в своих рассказах и повестях поведала читателям о стойкости и мужестве женщин, опаленных огнем военного лихолетья. Нельзя не удивляться, что ее книги «Липа веловая», «Сколько лет, сколько зим», «Пешком с войны», «Отец» и многие другие написаны в промежутках между бесконечными домашними хлопотами и делами. Мало кто знает, что все произведения своего мужа по несколько раз перепечатаны на машинке именно Марией Семеновной. Она не только писательница, но и бессменный секретарь и помощник в литературных делах Виктора Петровича. А к тому же еще и жена, мать, бабушка, в догляде которой

нуждаются все члены семьи без исключения...

Мы встретились с семьей Астафьевых в канун праздника Победы.

— Виктор Петрович, ветеран войны Митрофан Иванович Воробьев по лотерейному билету выиграл собрание сочинений Астафьева и, раскрыв первый том, узнал из фотографии автора своего однополчанина...

— Да, это интересный случай. Дело в том, что Митрофан Иванович Воробьев — это командир нашего 3-го дивизиона 92-й гаубичной бригады. Хорошо помню его. Чем он поразил и привлек внимание? На фронт он ушел вместе со своей женой дивизионным врачом Капитолиной Ивановой. Но не это главное. Впервые я его увидел, когда нас, новобранцев, привезли под Калугу, где шло формирование частей на фронт. Сюда постоянно прибывало пополнение из различных регионов страны. А все это вместе называлось почему-то Чертовой ямой. В своем новом романе «Прокляты и убиты» первую часть книги я так и назвал — «Чертова яма».

Там такая братия была, что никакой дисциплины не существовало. Нас еще не обмундировали, и мы серой толпой напоминали партизан. Голодно было.

Ночью я залез в какую-то машину, распорол куль, достал сухарей. Для детдомовца дело привычное. Но там на мешках спал ни много ни

мало — сам начальник особого отдела бригады...

И вот выставили меня перед строем, долго ругали, а потом повели к высокому начальству, чтобы окончательно решить вопрос о наказании. Привели в штаб. Командир дивизиона, нагнувшись над столом, с картой работал.

— Что у вас? — не разгибаясь, спросил он.

— Вот, товарищ капитан, привели новобранца, сухари спер.

Тогда он меня и спрашивает:

— Ты зачем сухари спер? Есть охота?

— Да.

Обернулся он к моим конвоирам:

— Ну так накормите его, чего в штаб тащите? Они из запасного полка, ребята голодные...

Я был поражен! Как сразу он все понял! А впоследствии еще больше поразило меня то, что из всех офицеров, встреченных во время войны, а потом и за все прожитые 67 лет, это был, пожалуй, единственный командир, который... не матерился. Вообще не бранился. Просто не умел, не мог. Другой такой же человек — это Семен Агафонович, отец Марии Семеновны, мой тесть. Он растил девять детей, и никогда от него никто не слышал бранного слова.

Вообще передовая сразу выявляет человека — кто есть кто. Там словами не загоришься. Сначала я был шофером. Но машина сгоре-

ла от прямого попадания снаряда, меня ранило. После госпиталя был разведчиком, а после второго ранения стал связистом во взводе управления. Повязку еще с глаза не сняли, когда к делу приступил. «Кривым» звали. На узле связи дежурить не так просто, возле тебя дюжина телефонных трубок: эта — связь с бригадой, эта — с батареей, эта — с пехотой... А связь то и дело рвется — то осколком ее перебьет, то еще что — каторга, одним словом. Связь ненадежная, изоляция плохая, мягкая, полежит провод на земле четыре часа — пошла индукция, плохо слышно. А что значит в артиллерии спутать цифру 55 с 56? Как говорили, прицел пять — по своим опять...

Весной мы попали в двойное кольцо окружения. Вечером у небольшой деревушки стали разворачиваться с нашими «лайбами», а в это время из деревни по машинам была выпущена длинная очередь из крупнокалиберного пулемета. Задело крепко тогда Воробьева Митрофана Ивановича. Ползком мы его под огнем тащили. Он потом думал, что это я один его спасал, а я просто подбежал первым. Он терял сознание... Принесли мы его в школу, где размещался госпиталь. А ночью выходили из окружения. После этого я утратил связь со своим командиром...

Кончилась война, шли годы, пытался я найти следы Митрофана Ивановича, списывался с нашими бойцами,

но никто ничего не знал. Лишь почти полвека спустя пришла весточка...

— Часто видитесь с однополчанами?

— Что касается встреч ветеранов дивизии, на первую встречу нас, рядовых, вообще не пригласили. Попал только на третью — в качестве писателя. А сейчас мы, ветераны, вообще никому не нужны...

— Неужели, Виктор Петрович, не нужны?

— Не нужны, — горько отвечает писатель. — Что же касается той встречи... Вышло у меня собрание сочинений, и в то же время я написал статью, опубликовал ее в «Правде». Там и упомянул про Митрофана Ивановича. А вскоре пришло письмо, присланное из Воронежской области. Митрофан Иванович писал: «Когда я открыл книгу, увидел портрет писателя, то лицо пожилого мужчины вдруг напомнило мне того мальчишку, который за воротник полушубка тащил меня раненого. Я подумал: может, совпадение, но оказалось, что это и впрямь вы...»

Теперь мы перепишемся. Сегодня, в канун Дня Победы, мне хотелось бы обнять всех своих однополчан, всех ветеранов. А молодым хотел бы сказать: нам нужно наконец остановиться в разрушительном беге. Всем нам надо задуматься да работать начать. Спасение только в работе!

Беседу вел
Г. ШЕСТАКОВ.
Красноярск.